

НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Всем нравится новый театр в Сочи. Нравится он актерам, с показной откровенностью о просторной сцене, об удобных артистических уборных. Нравится он и зрителям, восхищающимся архитектурой здания. Единственный человек, у которого при одном только виде нового театра сейчас же портится настроение. — это редактор выходившей в Сочи «Курортной газеты».

И что в нем хорошего, в этом театре? — думает редактор. Одно дело, если бы здание оставалось пустым. Но ведь в нем спектакли ставят. А кто у нас может рецензии писать? Нет, увы, у нас в Сочи Белянских!

В особенно мрачное настроение вверг редактора привез в Сочи Театра Красной Армии. Одни из лучших московских театров! Говорят больше ста актеров приехало! Десять постановок привезли! Что делать? Разве А. Мар выручит? Журналист он бойкий, написал же он в «Курортной газете», что «Лермонтов подчеркнул ряд стихов для своего «Демона» из поэмы Вилья «Элза». Хорошо, что в этой статье речь шла о покойниках. Лермонтов, например, никак не может явиться с того света и протестовать против обвинения в плагиате, доказывая, что из поэмы, написанной на другом языке, можно взять только ее мысли и образы, но нельзя ни «подчеркнуть», ни даже почерпнуть стихи.

Или, может быть, поручить это дело тов. Р. Борю? — продолжал раздумывать редактор «Курортной газеты». Здорово он написал в статье «Бездейственные руководители», что «резким диссонансом является замечательное здание театра и грубое обращение работников с посетителями».

Три недели продолжались размышления редактора. За это время августовский зной сменился сентябрьской прохладой, и из Сочи уехали, вероятно, почти все зрители первых спектаклей Театра Красной Армии. Неожиданно выручил редакцию посетивший Сочи московский критик Самуил Марголин.

Редактор радостно выскочил на лужавные перед ним две внушительные по своим размерам статьи Марголина, посвященные спектаклям Театра Красной Армии. И без долгих колебаний тиснул их в своей газете. Увы! Было бы лучше и для редактора и для С. Марголина, если бы эти опусы так и остались лежать на редакторском столе или по крайней мере попали бы на страницы газеты после соответствующей правки.

Легко можно представить изумление актеров Театра Красной Армии, когда они прочитали статьи С. Марголина. Особенно удивиться должна была актриса Зеркалова, неожиданно узнав, что она, а вместе с ней и все актрисы, которым пришлось играть роль Глафиры в пьесе Островского «Волки и овцы», глубоко ошибались в трактовке этой роли. Самуил Марголин представляет артистку, как надо играть сцену, в которой Глафира обольщает Лынькова.

Москва

2-ОКТ. 38

«В Глафире актриса играет (1) и изычна, но в ее стремлении подчинять себе Лынькова нет протеста женщины, железной отплатить другим за годы своего подневольного существования».

Еще больше должна была изумиться Зеркалова, озабочившись, с оценкой ее исполнения роли Юлии Тугиной в «Последней жертве». Рецензент пишет, что «в наиболее драматической сцене «Последней жертвы» Юлия Павловна Зеркалова не расходует всех своих душевных сил с той беспредельностью на какую способна эта героиня Островского».

Определяя «Последнюю жертву», как «драму неудачной любви русской женщины, обладающей ограниченными кругозором, но горячим сердцем», рецензент соглашается, что Зеркалова «согласна с первым обстоятельством характера Юлии, но оспаривает другое».

Зато критик одобряет игру Зеркаловой в горьковских «Мещанах». Здесь она «передает жестокий эгоизм и мизантропическую злобу зрителя тюрьмы с блеском тонких деталей». С. Марголин поучает исполнителя роли Лукина в спектакле «Год 19-й» актера Постромина, утверждая, что он «при всей своей обаятельности играет Лукина без непреодолимой и негибкой монны своего прообраза». Не менее туманные суждения критика о художественном оформлении.

Одновременно с Марголиным на берегах Черного моря появился и некто В. Яковлев, также порадовавший редактора «Курортной газеты» статьей о спектакле Театра Красной Армии «Угрошение строителю».

Статья эта несомненно вызвала интерес у читателей. Как-никак в ней ведь шла речь о новой постановке театра, еще не игранной им на московской сцене. Удалась ли театру эта постановка? Последние строки рецензии как будто дают положительный ответ на этот вопрос. Они говорят о «солнечном, радостном, заражающем бодростью спектакле». А несколькими строками выше В. Яковлев пишет, что «почти все остальные исполнители соудали не типы, а маски», а «веселая, задорная, жизневадостная хохотунья Катерина» в исполнении актрисы Добрыжинской «превратилась в манерную, малоподвижную куколку с остановившимся взглядом, с все той же застывшей озлобленной гримасой» и напоминает «ищущую суфразжистку».

Тут у читателя «Курортной газеты» есть все основания усомниться: так ли уж жизневадостен спектакль, если его главная героиня напоминает «ищущую суфразжистку»?

В одном месте рецензии В. Яковлева утверждается, что постановщик спектакля А. Д. Попов «тонко и оригинально прочел шекспировский текст», а в другом, что «самое узависимое место спектакля — режиссерская работа над текстом» и что постановщик не только сделал «действительно совершенно неоправданных купюр и вставок в шекспировском тексте», но и «отказался от замечательного исключительного выразительного спически шекспировского пролога». Вот и разберись тут: как же поставлен спектакль — хорошо или плохо?

Я. ИВЛИН